

Акимова М. С.,
к.ф.н., с.н.с. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, с.н.с. ГБУК г. Москвы «Музей Зеленограда»

Стихотворение Н. М. Рубцова «В старом парке» в контексте русской усадебной поэзии

У Н. М. Рубцова есть удивительное стихотворение, которое одновременно и гармонично укладывается в его поэтический мир, и стоит особняком. Это стихотворение «В старом парке» (1967), посвященное старинной дворянской усадьбе.

Как это ни странно для биографии советского человека, усадьбы будто сопровождали Рубцова с самого детства. В деревне Красково Вологодского района, где в детском доме некоторое время пребывал Коля Рубцов, находилась усадьба Золотиловых-Саблиных-Никановых-Аловых, здесь родился писатель В. М. Гаршин. Затем — пребывание в знаменитом Приютино, где столетием раньше у Олениных перебивал весь цвет русской культуры. Однако Приютино не оставило заметного следа в творчестве поэта. Неудивительно: к середине XX в. роскошная усадьба с множеством построек из красного нештукатуренного кирпича, с оранжереями, живописным парком с прудом утратила былое величие, и не только потому, что в годы войны в непосредственной близости были «Дорога Жизни» и аэродром; уже с середины XIX в. она использовалась скорее в утилитарных целях, после революции здесь образовался совхоз, а также был испытательный артиллерийский полигон, в ведении которого и оказались усадебные постройки. Собственно, потому Рубцов и оказался в Приютино — он и его брат Альберт работали на полигоне. Рубцов оказался здесь в начале 1955 г., устроившись слесарем-сборщиком, затем приезжал на побывку в период службы во флоте (1955-1959 гг.). И хотя возлюбленная Рубцова, Т. Смирнова (Голубева) вспоминала, что «тут парк такой хороший был, так народ к нам даже из города приезжал»¹, тем не менее, в 1950-х гг. мало что здесь напоминало об усадебном прошлом. В Приютино были написаны стихотворения «О собаках», «Морские выходки», «Воспоминание», также стихи, которые бы в XIX в. назвали стихами «на случай» («<...> Не подберу сейчас такого слова, / Чтоб стало ясным все в один момент. / Но не забуду Кольку Беякова / И Колькин музыкальный инструмент» (1957). Н. Беякову, другу тех лет, он посвящает четверостишие: «И дубы вековые над нами / Оживленно листвою трясли. / И со струн под твоими руками / Улетали на юг журавли...». Приметы Приютина здесь еле уловимы: «Когда-то я мечтал под *старым* дубом...» («Не подберу сейчас такого слова...»), «*Маленькое захолустье*» («О собаках»), «Помню, мы брали в ларьке вино / И после пили в *беседке*. <...> Словно о прошлом, играл потом / “Вальс цветов” на баяне. / Помню я дождь и грязь на дворе, / Вечер темный, беззвездный, / Собака лаяла в конуре / И *глухо шумели сосны*...» («Воспоминание»). В Приютино Рубцова одолевала другие трудности — юношеская, оказавшаяся несчастливой любовь к Т. Смирновой, бытовая неустроенность («Я жил в гостях у брата. / Пока велись деньжата, / все было хорошо...» — напишет он в «Морских выходках»). Н. Беяков вспоминает: «Бродили, колобродили, по ночам не спали. Рубцов много рассказывал, стихи читал, вспоминал детство свое, какое оно у него было плохое <...> мы с ним частенько в этом парке сидели, разговаривали. <...> на гармошке любил играть»². Приютино так и не стало Рубцову домом: брат переезжает, любимая выходит замуж. Но мысленно

¹ Коняев Н. Николай Рубцов. М.: Молодая гвардия, 2001. 364 с. На странице: <https://www.booksite.ru/fulltext/rub/tsov/index.htm>

² Там же.

Рубцов будет возвращаться в эти пенаты — и в действительности, и в поэзии: в 1968 г. в «Повести о первой любви», а в конце жизни вспомнит о «Вальсе цветов»: «В саду, где пела радиола, / Где танцевали “Вальс цветов”» («Наследник розы», 1970).

Бывал Рубцов и в вологодской усадьбе Хвалевское, назвав местный парк «былинным»³. Наверняка, бывал и в других усадьбах (не говоря уже о городских — например, в усадьбе Яковлева, где располагается Литературный Институт).

Но большинство исследователей (Л. Вересов⁴, Ю. Кириенко-Малюгин⁵) сходятся на том, что стихотворение «В старом парке» было написано по следам посещения усадьбы Погорелово под Вологдой. В наши дни состояние соответствует названию: дома нет и следа, «парк зарос кустарником, дикой малиной. <...> Пруды загрязнены, летом зарастают ряской. <...> элементы регулярного стиля. <...> липы, сосны и *единственный дуб* <...> Низкие места парка заболочены и заросли ивой, черемухой, малиной. <...> характерен бурьянистый травянистый покров, состоящий из крапивы, сныти, лопуха»⁶. Рубцов бывал там неоднократно: это были родные места его знакомого, поэта С. Чухина. Усадьба начала приходить в упадок еще до революции. Г. К. Лукомский в 1914 г. писал об особняке 1820-х годов постройки: «Теперь он в печальном состоянии <...> потолки во многих комнатах провалились, многое разрушается»⁷. После революции разрушение только усилилось. В 1920 г. И. В. Евдокимов писал: «Теперь это красивое гнездо умерло, разрушается, осел фундамент дома, валится и облезает штукатурка, рухнули кое-где потолки, почернели зияющие рамы без стекол...»⁸. Рубцов побывал здесь почти полвека спустя. Но и в 1960-е здесь еще сохранялись остатки сада, пруда, дома. «По воспоминаниям старожилов, парк был основным местом отдыха местных жителей в довоенное и послевоенное время. Территория парка была обустроена: поставлены скамейки, проложены прогулочные тропинки <...> в 70-е годы на одном из островов в летнее время была танцплощадка»⁹. Интересно, что это воспоминание расходится с образом рубцовского «старого парка», где приметы времени гораздо ощутимее, концентрируясь в каждой строке: «в зеленый пруд / Упавшие деревья <...> Желтея грустно, / Старый особняк / Стоит в глуши / Запущенного парка — / Как дико здесь! / Нужна покрепче палка, / Чтоб уложить / Крапиву кое-как... / Покрывшись пеплом, / во тьме / Унылого строенья, / Забытого навек / Без сожаленья <...> редкие вишни». Безличные глаголы, отрицательные частицы не-ни передают ощущение пустоты, неприкаянности: «Не отыскать / Заросшие следы, /

³ Шилова В. В селе Борисово-Судское Бабаевского района восстанавливается дворянская усадьба Хвалевское. На странице: <http://cultinfo.ru/infoproject/recovery/index.php?id=32>

⁴ Вересов Л. Н. Н. Рубцов и С. Чухин. Переплетение судеб русских поэтов. На странице: http://rubtsov-poetry.ru/others_2/veresov_12.htm; Вересов Л. Н. «Зеленые цветы» Николая Рубцова. На странице: http://rubtsov-poetry.ru/others_2/veresov_17.htm

⁵ Кириенко-Малюгин Ю. И. Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...». М.: НКО «Рубцовский творческий союз», 2011. С. 208-210.

⁶ Виноградова Я., Панкова М. Старинный парк села Погорелово: прошлое и настоящее. // В помощь библиотекарям: Информац.-метод. бюллетень. — №32: Из усадебной культуры Вологодской области: Эколого-краеведч. чтения 2007-2008 гг. Вологда, 2008. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

⁷ Лукомский Г. К. «Погорелово» усадьба Зубовых. // Вологда в ее старине. СПб., 1914. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

⁸ Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда. 1920. С. 67

⁹ Виноградова Я., Панкова М. Старинный парк села Погорелово: прошлое и настоящее. // В помощь библиотекарям: Информац.-метод. бюллетень. — № 32: Из усадебной культуры Вологодской области: Эколого-краеведч. чтения 2007-2008 гг. Вологда, 2008. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

Ничей приход / Не оживит картины»; а черно-желтый колорит «создает тревожное ощущение инобытия»¹⁰.

Но в этом расхождении правды и условности есть большая художественная правда. «Старый парк» Рубцова — пример превращения достоверных реалий в глубокий, мощный образ, как это почти всегда бывает в его поэзии. «Малина», о которой со слезами вспоминает барин, действительно есть в погореловском парке, как есть она и в других местах усадебного мира и поэтического мира Рубцова, в котором в том же 1967 г. она мелькнет символом счастья здесь и сейчас: «...с куста нарву для милых уст / Малины крупной, молодой и сладкой» («Взглянул на кустик», 1967).

Подбор деталей, которые станут стихотворными образами, с одной стороны, индивидуален, отражает внутренний мир лирического героя. Но одновременно он глубоко укоренен и исторически и художественно обоснован. Так, тот факт, что усадьба была покинута владельцами и стала разрушаться еще до революции, неизвестен, да и, по большому счету, неинтересен Рубцову, который с большой смелостью и сочувствием (кроющемся в любви к родной земле) изображает в стихотворении судьбу дворянства — по сути, вычеркнутого из советского бытия: «Здесь барин жил. / И может быть, сейчас, / Как старый лев, / Дряхлая на чужбине, / Об этой сладкой / Вспомнил он малине, / И долго слезы / Катятся из глаз...». Но не вычеркнута эта тема у Рубцова, кровно ощущавшего связь времен. Он был соприроден русской классической культуре, русской провинциальной жизни, в одном из главнейших споров XX в. — споре «урбанистов» и «деревенщиков» — встав на сторону последних. Рубцов не мог пройти мимо темы «дворянского гнезда» — важнейшей универсальной модели бытия русского человека XIX столетия. Вспомним Тургенева: «И понемногу начало назад / Его тянуть: в деревню, в темный сад <...> Там хорошо; там только — русский дома». А. С. Панарин, размышляя об архетипах в культуре, отмечал «подсознательное давление определенной культурной традиции...»¹¹. У Рубцова мы наблюдаем проявление этого архетипа, в частности, стихотворение «В старом парке» может быть отнесено к образцам «усадебной поэзии».

Тема «усадебной поэзии» теоретически еще недостаточно разработана. Большинство исследователей понимают под ней особый тип поэзии, «сочетающей пространственно-временные атрибуты, реалии дворянской эпохи, символично-метафорическое оформление и особый эмоциональный ореол. Общность сюжетно-тематических узлов, постоянного круга образов и мотивов, символично-метафорического комплекса позволяют говорить о своеобразии усадебной поэзии, следовании единым принципам в создании одного из центральных художественных хронотопов дворянской эпохи <...> Изображения сформировались в самом начале XIX века и затем долгое время бытовали, представляя собой инварианты одного и того же образа»¹², даже несмотря на довольно широкий диапазон инвариантов: от поэтизации и идеализации усадебной жизни до критического пафоса и реалистической детали.

¹⁰ Чернова А. Е. Этнопоэтическая константа соснового шума в лирике Н. Рубцова. // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук»: Журнал научных публикаций. — 2014. — № 3. — Часть 2. — С. 78–82. На странице: <https://www.proza.ru/2015/04/30/803>

¹¹ Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 288 с. С. 152.

¹² Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв. Дисс. ... д. ф. н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poeziya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

Т. М. Жаплова¹³ отмечает, что важнейшими для усадебной поэзии являются мотивные комплексы (они же пространственные зоны) дома и сада, имеющие разный генезис и свои подмотивы. «Из памяти русских дворян-помещиков не стерлись образы <...> Палладио и его последователей <...> , оставивших след в ордерных конструкциях, купольных ротондах-миловидах, белых колоннах, высоких окнах усадебных домов по всей России <...> устремленности стен вверх, к куполу здания, напоминающих о храмовых постройках и соответствующей им атмосфере <...> белые колонны у входа <...> плавно переходящие в колонны натуральные, природные — бесчисленные стволы лесных и парковых деревьев»¹⁴. У Рубцова в середине XX в. эти мотивы представлены эталонно. Прежде всего, это влияние личного впечатления от знакомства с усадьбой Погорелово: «Чудесный бело-желтый шестиколонный дом обвит венком глубоких прудов, повсюду обступают дом вековые лиственницы, кедры и липы, у въезда старинная ограда, каменные ворота <...> Дом серьезный, прямой, стройный, какой-то торжественный, храмоподобный. Внутри еще сравнительно недавно все свидетельствовало о большом художественном вкусе владельцев и неизвестного мастера»¹⁵; некогда дом был внушительный: «имел длину 13 сажен, ширину 10 сажен, имел 16 печей, 50 окон, 18 комнат»¹⁶. Но именно такой образ и укоренен в культурном сознании. И в стихотворении мы видим «желтеющий старый особняк»: желтый цвет привычен для городской и загородной усадьбы, хотя, безусловно, несет на себе и собственно семантику желтого цвета (болезнь, увядание, разлука, смерть), особенно в сочетании с желтыми глазами кошки во мраке. Видим деревья-колонны (уже упавшие в «зеленый пруд» — модус инварианта характернейших для усадебной лирики водных атрибутов в ведущей для рубежа XIX-XX вв. форме, когда «образ застывшей, зацветшей или пересохшей водной глади воспринимается персонажем как одно из самых красноречивых свидетельств запустения в усадьбах и смены укладов русской жизни»¹⁷). Рубцов использует и востребованный в усадебной поэзии образ песчаной аллеи («Песчаный путь / В еловый темный лес»). А образ барина-старого льва («Как старый лев, / Дряхлая на чужбине») вызывает в памяти не только образ светского льва, но и архитектурных львов, в изобилии встречавшихся в классической усадьбе.

Илл.: Сысоев В. Дом с колоннами. Погорелово. 1920. Источник: Альбом «Зубовы и их усадьбы». https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_usadba.htm

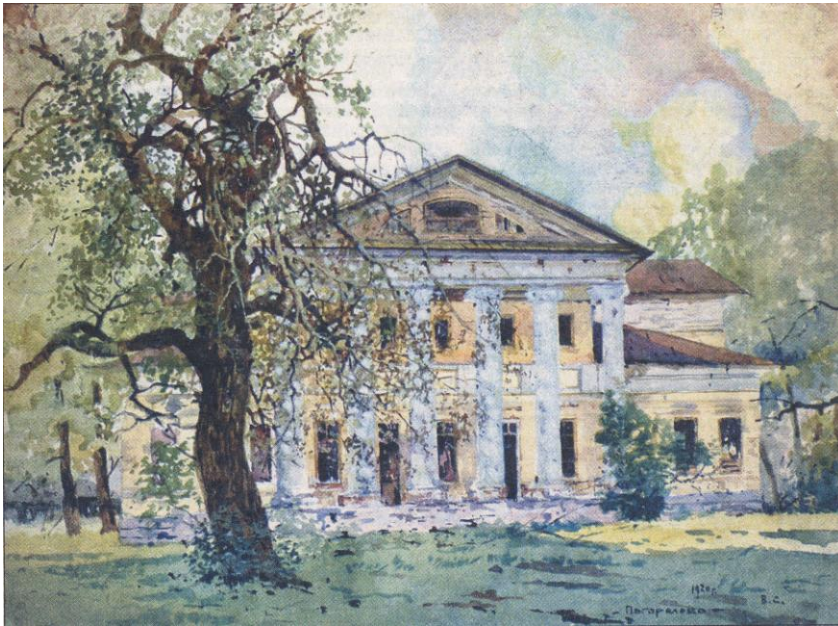
¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Евдокимов И. В. Север в истории русского искусства. Вологда. 1920. С. 67. См. также: Лукомский Г. К. «Погорелово» усадьба Зубовых. // Вологда в ее старине. СПб., 1914. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_66.htm

¹⁶ Историческая справка о селе Погорелово. // Из истории дворянской культуры Вологодского уезда. Усадьба Зубовых Погорелово: Эколого-краеведческие чтения. Погорелово, 2008. Б.м., 2008. На странице: https://www.booksite.ru/usadba_new/zubov/4_32.htm

¹⁷ Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX – начала XX вв. Дисс. ... д. ф.н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poeziya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

Помимо личных впечатлений, можно с уверенностью говорить и о литературной традиции, повлиявшей на Рубцова. Небезынтересно наблюдение А. Е. Черновой, что стихотворение Рубцова «В старом парке» перекликается со стихотворением И. А. Бунина «И снилось мне, что осенней порой...» (1893). «Поэтическая ситуация повторяется почти дословно, с той разницей, что лирические герои меняются местами. Лирическим героем стихотворения Бунина оказывается тот самый барин, о судьбе которого размышляет лирический герой Рубцова. Барин Бунина возвращается во сне в свою усадьбу, разрушенную и забытую <...> Оба произведения изображают запустение»¹⁸: «И снилось мне, что осенней порой / В холодную ночь я вернулся домой. / <...> Вошёл я в пустынный, покинутый двор. / И сжалось сердце от боли во мне, / Когда я кругом поглядел при огне! / Навис потолок, обвалились углы, / Повсюду скрипят под ногами полы / <...> Зброшен, забыт, / Навеки забыт он, родимый наш дом! <...> / И сад обнажённый гудел и стонал...». Эта версия правдоподобна, тем более что стихотворение эмигранта Бунина с 1960-е стало доступно массовому читателю: вышел девятитомник его сочинений, куда было включено и это стихотворение — видимо, по той причине, что оно было написано еще до революции¹⁹. Рубцов, знавший творчество Бунина, не мог не обратить внимание на это стихотворение с близкой ему темой — возвращения домой, возвращения к истокам.

Можно увидеть и еще ряд литературных источников рубцовского стихотворения. В частности, стихотворение «Развалины» любимого Рубцовым И. С. Никитина: «<...> Лежат в пустыне молчаливой / Обломки старого дворца. / Густою пылью покрыла / Рука столетий камни стен <...> Тяжелый свод упасть готов, / Карниз массивный обвалился <...> / И моха желтого узор, / Однообразно испещренный, / Покрыл разбитые колонны. / Как чудно вытканый ковер. <...> Была пора, здесь жизнь цвела. / Пороки, может быть, скрывались / Иль благородные дела / Рукою твердой совершались. / И может быть, среди пиров / Певец, в минуты

¹⁸ Чернова А. Е. Этнопоэтическая константа соснового шума в лирике Н. Рубцова. // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук»: Журнал научных публикаций. — 2014. — № 3. — Часть 2. — С. 78–82. На странице: <https://www.proza.ru/2015/04/30/803>

¹⁹ Бунин И. А. Стихотворения // Собрание сочинений, в 9-ти т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1965.

вдохновенья, / Здесь пел о доблестях отцов / И плакал, полный умиленья; / И песням сладостным его / В восторге гости удивлялись, / И дружно кубки вокруг него / В честь славных дедов наполнялись. / Теперь все тихо... нет следа / Минувшей жизни. Небо ясно, / Как и в протекшие года, / Земля цветущая прекрасна... / А люди?.. Этот ветерок, / Пустыни житель одинокой, / Разносит, может быть, далеко / С их прахом смешанный песок!..» (1852). Оно неоднократно публиковалось в подборках сочинений И. Никитина, в частности, в полном собрании сочинений в том же 1965 г.²⁰ Оставляя в стороне другие возможные литературные источники стихотворения, скажем главное: «В старом парке» — классическая руинистическая элегия, в XX в. явление нечастое, но подкрепленное самой историей страны. Некогда усадьба, согласно планам развития российского государства, должна была символизировать в миниатюре незыблемость и могущество необъятной империи; одновременно и логично она стала символизировать красоту и гармоничную жизнь в согласии с природой и с заветами предков, запечатленную в жанре идиллии. На протяжении XIX в. поэты становились свидетелями угасания усадьбы, выражая постигшее ее запустение и сиротство постоянными на рубеже веков мотивами опустевших комнат, разрушенных фонтанов, балконов, беседок, «зацветших» прудов. Теперь же призванное быть устойчивым пространство было разрушено окончательно.

В жанровом плане Рубцов по преимуществу элегический поэт, и ему оказалось близко ретроспективное мышление лирического героя усадебной идиллии, обращенность в прошлое и сопряженные с ним ценности — семейные, родовые, земельные, утрата которых воспринимается болезненно («На сенокосе», «Купавы»). Роднит Рубцова с усадебной поэзией и сквозной мотив возвращения героя на «малую родину» («Словно ворона веселая, / Сяду опять на забор!», «Вернулся я — былое не вернется!»²¹) как проявление архетипической оппозиции «ухода» — «возвращения» («встречи»). Один, но емкий пример: «Здесь роща, помню я, стояла, / Бежал ручей, — он отведен» (К. Случевский) — «Там, где я плавал за рыбами <...> / Вырыли люди канал» (Н. Рубцов). И там, и там, с небольшими нюансами, «мифологическое время [всегда в прошлом и замкнуто на прошлом] созвучно биографическому, характеризующему этапы детства, юности, зрелости лирического героя, а также времени историческому, отражающему неумолимую смену укладов русской жизни, неизбежную смену поколений»²². И вкуче такие соответствия, с поправкой на время, сглаживают отличия, которые неизбежны у поэтов-представителей разных литературных эпох: так, в случае со «старым парком» Рубцов бродит не по своей усадьбе, не по уголкам своей памяти. (Этим, думается, можно отчасти объяснить непрокомментированное наблюдение А. Е. Черновой: «Бунин больше описывает разрушения внутри помещения, комнат, где прошло его детство; Рубцов обращает внимание на заброшенность парка, он ходит вокруг дома, но внутрь не заглядывает»²³). Между тем, мы видим здесь не

²⁰ Никитин И. С. Полное собрание стихотворений. Изд. 2-е. М.-Л.: Советский писатель, 1965. 615 с.

²¹ Строка из стихотворения «Ночь на родине», написанного, по мнению В. Белкова и местных жителей, также в деревне Погорелово. Приметы «высокий дуб, глубокая вода» и время написания указывают именно на Погорелово. См.: Ермаков Д. «Настроив душу на добро...». На странице: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/08/nastroiv_dushu_na_dobro/

²² Жаплова Т.М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX - начала XX вв. Дисс. ... д. ф.н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poeziya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

²³ Чернова А. Е. Этнопоэтическая константа соснового шума в лирике Н. Рубцова. // «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук»: Журнал научных публикаций. — 2014. — № 3. — Часть 2. — С. 78–82. На странице: <https://www.proza.ru/2015/04/30/803>

дистанцирование, а, скорее, присвоение усадебного прошлого как прошлого своей страны и его приятие, свойственная усадебной поэзии идеализация старины. Быть может, этим и объясняется любопытный факт из творческой биографии Рубцова: «В творческой папке Рубцова имеется преддипломный цикл под названием “Детство”. В оглавлении поэт зачеркнул название и изъясил стихотворение “В старом парке”²⁴. Заменял его на “Зелёные цветы” из-за возможных идеологических сложностей на защите диплома. Книжку “Звезда полей” и подборку стихов “Зелёные цветы” Рубцов представил как выпускную работу на заочном отделении Литинститута им. А. М. Горького и сдал государственные экзамены 26 декабря 1968 года»²⁵.

И тем не менее, несмотря на непривычность, нехарактерность такого творчества, самоцензуру и цензуру («уж больно много церквей и крестов у него в стихах, и <...> всё это не пропускали»²⁶), голос Рубцова смог появиться на свет — во многом благодаря эпохе оттепели с ее относительной свободой, интересом к лирике как проявлением интереса к внутреннему миру отдельного человека (у Рубцова осложненного переживанием трагедий национального, а нередко и вселенского масштаба).

Нельзя сказать, чтобы в своем обращении к ушедшей натуре Рубцов «там и тогда» был совершенно одинок. Всё чаще поэт из города, комсомольской стройки уходит (возвращается) к тандему природы и культуры, который теперь часто покрывает собой эвфемизм «парк», или «сад». Восходящий к райскому саду, и всегда об этом помнящий, в XVIII в. воспевавшийся, в XIX в. ставший риторической фигурой, условным местом романтических переживаний, обнаруживший способность принимать неподдельное участие в душевной жизни человека, в XX в. «сад — это местность, в которой русские поэты <...> искали и находили убежище от советского официоза... Потребность в этом слове-понятии появилась в шестидесятые годы прошлого века после большого перерыва. И у Ахмадулиной, и у Кушнера, и у Рейна²⁷ сады явились в качестве соединительной ткани, продлевающей поэзию начала века с ее репрессированными классиками»²⁸, ведь советская поэзия «откровенно презирала сад как принадлежность буржуазной жизни»²⁹. Собственно, тот факт, что гармония сада запечатлена и в послереволюционной неэмигрантской лирике XX в. (Ахматовой, Пастернака, других поэтов-свидетелей агонии «вишневых садов» и «дворянских гнезд», в образах позднего творчества Арсения Тарковского), наиболее ярко иллюстрирует приверженность образованного русского человека к осмысленному, цельному существованию в поместье³⁰.

²⁴ Заметим: не в «старинном», а в «старом».

²⁵ Кириенко-Малюгин Ю. И. Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...». М.: НКО «Рубцовский творческий союз», 2011. С. 232.

²⁶ Из воспоминаний Леонида Беляева «Свой штришок в образ Николая Рубцова» // *Леянова З.* Путешествие по череповецким адресам поэта Николая Рубцова. На странице: https://rubtsov-poetry.ru/research/puteshestvie_po_cherepovetskim_adresam_3.htm

²⁷ «В старой усадьбе бессмертные липы / нас пропускают едва на задворки, / но присмирившие, как инвалиды, / шепчут вдогонку свои поговорки»; «На первом этаже выходят окна в сад, / который низкоросл и странно волосат / от паутины и нестриженных ветвей»; «Иссохший сад дремучего стекла, / ты разорен, но я в тебе блуждаю...» (Е. Рейн)

²⁸ *Невзглядова Е.* Сады в русской поэзии. // *Звезда*, 2013, № 10. На странице: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/10/11n.html>

²⁹ Там же.

³⁰ *Жаглова Т.М.* Усадебная поэзия в русской литературе XIX - начала XX вв. Дисс. ... д. ф.н. Оренбург, 2008. На странице: <http://cheloveknauka.com/usadebnaya-poeziya-v-russkoy-literature-xix-nachala-xx-vekov>

Были и другие примеры. Крайне интересно сопоставить рубцовское «В старом парке» с самойловским стихотворением-ровесником и тезкой. «Забор крапивою зарос, / Но, несмотря на весь разор, / Необычайно свеж рассол / Настоянных на росах зорь. / Здесь был когда-то барский сад, / Где молодой славянофил / Следил, как закипает таз / Варенья из лиловых слив. <...> » (Д. Самойлов, «Старый сад», конец 1968 или начало 1969 г.). Посыл, атмосфера здесь совершенно разные. Гармония нарушается даже не уровне стиха: неизящные ассонансные «жестяные» (Е. Невзглядова³¹) рифмы, грубоватая интонация очень созвучны Д. Самойлову, который часто демифологизирует, казалось бы, незыблемые представления о культуре (взять хотя бы его стихотворение «Дом-музей»³²). В особом ключе, и с пониманием контекста традиции, звучит обращение Э. Багрицкого к сыну: «Ты начисто выруби сосны в саду, / Ты выкорчуй куст смородины!». То, что усадебная тема у Рубцова, в конце концов, всё же прозвучала, и прозвучала как продолжение историко-литературной традиции, ознаменовало творческую зрелость поэта. Очень возможно, что на его душевный настрой повлияло и зрелище разоренной усадьбы и, напротив, совершенная летом 1967 г. поездка по Волго-Балту на агиттеплоходе вместе с вологодскими писателями, когда удалось увидеть своими глазами древние Кириллов, Белозерск, Ферапонтов монастырь и др.³³ Но душевный склад Рубцова был уже определен зрелищем красот родного края, разрушенных прекрасных церквей, пустеющих сёл — и вот, разрушенной усадьбы. Героическая, но трагическая история страны в этот период проговаривается у Рубцова в сквозном мотиве шума древних сосен (голоса времени и вечности), которые «Вдруг зашумят, / Застонут, занемогут...» («В старом парке»). Мотив этот у поэта настолько устойчив, что дал название целому сборнику. И стихотворение «В старом парке», по иронии судьбы увидевшее свет в белозерской газете «Новый путь» от 17 августа 1967 г., позже по праву было включено Рубцовым в этот последний прижизненный сборник «Сосен шум» издательства «Советский писатель»³⁴, что тем более удивительно, что в сборнике русское начало иногда буквально противостоит советскому: «И песни русские слышны, / Все чаще новые, / Советские, / Все реже — грустной старины...» («На сенокосе»). В сборнике «Сосен шум» мотив старины, сохранения (и разрушения) традиции, времени (и связанной с ним смерти) стал одним из главнейших. Его поддерживают изнутри отсылки к традиции, в разных формах — сюжетных, интонационных и т.д. Это может быть отсылка к традиции литературной: пушкинской: «И старуха метель не случайно, / Как дитя, голосит за углом» («Зимняя ночь», 1969), лермонтовской: «Запомнил скандальные пляски / Нарядных больших мужиков» («Далекое», 1970), «Пальмы юга», чего Рубцов не скрывает, а, напротив, подчеркивает: «И, как живые, в наших разговорах / Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон» («Вечерние стихи», 1969). В этом же ряду стоит и обращение Рубцова к теме усадьбы как одному из проявлений культурного кода нации.

К концу 1960-х гг. Рубцов окончательно созревает в русского национального поэта. В его лирике, укорененной в национальной традиции, нашлось место, любовь и сочувствие и крестьянской усадьбе, и прекрасным разрушенным церквям; он первый в русской поэзии советского периода приступил к самому запретному,

³¹ Невзглядова Е. Сады в русской поэзии. // Звезда, 2013, № 10. На странице: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/10/11n.html>

³² В этом отношении интересна и повесть С. Довлатова «Заповедник».

³³ https://rubtsov-poetry.ru/research/puteshestvie_po_cherepovetskim_adresam_3.htm

³⁴ Кириенко-Малюгин Ю. И. Николай Рубцов: «Звезда полей горит, не угасая...». М.: НКО «Рубцовский творческий союз», 2011. С. 208, 210

самому страшному из нашей истории: “Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны, / но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей”. По литературной легенде, о достоверности коей не могу судить, была и другая редакция: “Не жаль мне, не жаль мне разрушенной царской короны, но жаль мне, но жаль мне расстрелянных царских детей”»³⁵. И очень органично продолжило лирику Рубцова стихотворение «В старом парке» — образец усадебной лирики на новом витке, в поле советской литературы, надолго вычеркнувшей тему русской усадьбы. Голос Рубцова прозвучал здесь особняком от других. В его лирике вновь слились воедино мотивы дома и сада, часто разлученные в поэзии XX в. В ней отразились субъективные лирические переживания событий эпического масштаба, когда личное переживание неразрывно срастается с переживанием общего, исторического бытийного и усадьба становится не только фоном, но и объектом переживаний. Судьба конкретной усадьбы становится обобщенным образом национальной истории и судьбы, воплощая историческую глубину современности.

Статья написана в рамках проекта № 18-18-00129 Российского научного фонда «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», рук. О.А. Богданова.

³⁵ Баранова-Гонченко Л. И я молюсь — о, русская земля! (Рождественские размышления о поэзии Николая Рубцова). На странице: http://rubtsov-poetry.ru/critica/baranova_gonchenko.htm